

Дж. Кришнамурти

Записные книжки

Полная версия 1961–1962

Джидду Кришнамурти
Записные книжки

«ИД Ганга»

1976, 2003

УДК 111
ББК 86.7

Кришнамурти Д.

Записные книжки / Д. Кришнамурти — «ИД Ганга», 1976, 2003

ISBN 978-5-9907758-1-7

«Записные книжки» содержат ежедневные записи Джидду Кришнамурти с 18 июня 1961 г. по 19 марта 1962 г. Это записи наблюдений природы, наблюдений состояний сознания. Это глубокие проникновения во внутренний мир человека. Эти записи – иллюстрации того, с какой реальностью встречается восприятие, свободное от помех эгоцентрической обусловленности. Эта книга – одна из самых глубоких и проникновенных из всего наследия Джидду Кришнамурти. В настоящее издание вошли записи, ранее на русском языке не публиковавшиеся.

УДК 111

ББК 86.7

ISBN 978-5-9907758-1-7

© Кришнамурти Д., 1976, 2003

© ИД Ганга, 1976, 2003

Содержание

Предисловие к данному изданию	6
Предисловие	7
Охай[2]	9
Лондон	17
Гштаад	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джидду Кришнамурти Записные книжки

Полная версия 1961–1962 гг.
Исправленное издание

Krishnamurti's
NOTEBOOK
Full text edition

Перевод с английского А. Л. Смирнова, Е. М. Огородниковой
Редакторы А. А. Малиновский, К. Г. Кравчук
© 1976, 2003 (For the enlarged edition) Krishnamurti Foundation Trust, Ltd.
© Издательский Дом «Ганга». Перевод, оформление, 2015, 2016

* * *

Предисловие к данному изданию

Когда «Записные книжки» Кришнамурти издавались впервые, в 1976 году, рукопись, по которой был составлен машинописный текст, состояла из 323 страниц, собственноручно написанных и пронумерованных Кришнамурти. Тогда предполагалось, что это полное собрание страниц, написанных Кришнамурти для этого ряда записных книжек. Однако в 2000 году 32 дополнительные страницы, написанные рукой Кришнамурти, были найдены в архивных документах, восстановленных американским Фондом Кришнамурти в городе Охай в 1980-х годах. Эти страницы продолжают повествование рукописи, изданной ранее, о чем свидетельствуют даты и последовательная нумерация страниц. На данный момент неизвестно, как эти страницы отделились от остальных. Эти записи, датированные от 24 января 1962 года по 19 марта 1962 года, завершают это новое издание.

В своем предисловии к первому изданию Мэри Лютьенс писала, что ни до ни после Кришнамурти не продолжал вести записные книжки. Однако после издания «Записных книжек» она узнала, что Кришнамурти все же вел дневник с сентября 1973 года по апрель 1975 года. «Дневник Кришнамурти» был издан в 1982 году, а в 1983 Кришнамурти создал уникальные «записные книжки», надиктовывая свои мысли по утрам, когда он был один, на магнитофон. Они были опубликованы в 1987 году под названием «Кришнамурти самому себе»¹.

Мумбай, Ченнай и Варанаси – современные названия индийских городов, ранее известных как Бомбей, Мадрас и Бенарес, в указанном порядке. Последние из них использовались во время жизни Кришнамурти и сохранены в «Записных книжках» по историческим причинам.

Р. М.

¹ Книга готовится к изданию в ИД «Ганга».

Предисловие

В июне 1961 г. Кришнамурти начал вести ежедневную запись своих ощущений и состояний сознания. За исключением примерно двух недель, он продолжал вести эту запись в течение семи месяцев. Он писал четко, карандашом, практически без исправлений. Первые семьдесят семь страниц рукописи содержатся в маленькой записной книжке, далее и до конца (до с. 331 рукописи) использовалась книжка большего размера с отрывными листами. Запись внезапно начинается и внезапно обрывается. Сам Кришнамурти не мог сказать, что побудило его начать ее. Он никогда не вел таких записей ни до, ни после этого.

Рукопись подверглась минимальной редакторской правке. Были исправлены ошибки написания Кришнамурти, для большей ясности вставлены некоторые знаки препинания, приведены полностью некоторые сокращения, вроде знака &, который он неизменно употреблял, добавлены кое-какие примечания и немногочисленные вставки в квадратных скобках. Во всех прочих отношениях рукопись представлена здесь такой, какой она была написана.

Следует объяснить один из употребляемых в ней терминов – «процесс». В 1922 г. в возрасте двадцати восьми лет Кришнамурти испытал духовное переживание, изменившее его жизнь, за которым последовали годы острой, почти постоянной боли в голове и позвоночнике. Рукопись показывает, что «процесс», как он называл эту таинственную боль, все еще продолжался почти сорок лет спустя, хотя и в более мягкой форме.

«Процесс» был физическим феноменом, и его не следует путать с тем состоянием сознания, о котором Кришнамурти говорит в записных книжках как о «благословении», «ином», «безмерности». Он никогда не использовал каких-либо болеутоляющих средств с целью воздействовать на этот «процесс». Он никогда не употреблял алкоголя или какого-либо наркотика. Он никогда не курил, последние тридцать лет или около того не пил даже чая или кофе. Хотя он и был всю жизнь вегетарианцем, он всегда уделял большое внимание полноценному и хорошо сбалансированному питанию. Аскетизм, согласно его образу мыслей, так же разрушителен для религиозной жизни, как и излишества. Фактически он заботился о теле (он всегда проводил различие между телом и эго), как кавалерист заботился бы о своей лошади. Он никогда не страдал эпилепсией или какими-либо другими физическими заболеваниями, которые, как говорят, вызывают видения и прочие духовные феномены; и он никогда не практиковал никакой «системы» медитации. Все это говорится для того, чтобы читатель не вообразил себе, что состояния сознания Кришнамурти вызываются – или когда-либо вызывались – наркотиками или голоданием.

В этих уникальных ежедневных записях мы имеем то, что можно было бы назвать началом, истоком учения Кришнамурти. Здесь вся суть его учения, исходящая из своего природного источника. Как он сам пишет на этих страницах: «Каждый раз в этом благословении есть что-то новое, новое качество, новый аромат, и все-таки оно всегда неизменно», потому и учение, вытекающее из него, никогда не бывает точно таким же, хотя и часто повторяется. Подобным же образом, деревья, горы и реки, облака и солнечный свет, птицы и цветы, которые он снова и снова описывает, постоянно «новые», ведь каждый раз их видят глаза, для которых они никогда не становились привычными; каждый день они составляют для него совершенно свежее восприятие, и такими же они становятся для нас.

18 июня 1961 г., в день, когда Кришнамурти начал эти записи, он был в Нью-Йорке, у своих друзей на Западной 87-й улице. Он прилетел в Нью-Йорк 14 июня из Лондона, где находился шесть недель и провел двенадцать бесед. Перед поездкой в Лондон он был в Риме и Флоренции, а до того первые три месяца года находился в Индии, где проводил беседы в Нью-Дели и в Бомбее.

Мэри Латъенс

Охай²

■ 18 июня

Вечером оно было здесь: оно явилось внезапно, заполняя комнату, огромное ощущение красоты, силы и мягкости. Остальные тоже это заметили.

■ 19 июня

Всю ночь это было здесь, когда бы ни проснулся. Голова болела по дороге на самолет [чтобы лететь в Лос-Анджелес]. Очищение мозга необходимо. Мозг есть центр всех ощущений; чем ощущения живее и тоньше, тем острее мозг; мозг – центр воспоминаний, прошлого; он – кладовая опыта и знания, традиции. Поэтому он ограничен, обусловлен. Его действия спланированы, обдуманы, обоснованы, но он функционирует в условиях ограничения, в пространстве-времени. Поэтому он не может сформулировать или понять то, что всеобщее, целостно, полно. Полное, целостное – это ум; он пуст, совершенно пуст, и по причине этой пустоты мозг существует в пространстве-времени. Только когда мозг очистился от своей обусловленности, жадности, зависти, честолюбия, он способен постичь то, что полно. Любовь и есть эта полнота.

■ 20 июня

В автомобиле, на пути в Охай (Долина Охай, около восьмидесяти миль к северу от Лос-Анджелеса), это опять началось, давление и ощущение безмерного простора. Этот простор не переживался кем-то, он просто был; не было центра, из которого или в котором происходило бы переживание. Все – автомобили, люди, рекламные щиты – было поразительно четким, а краски болезненно интенсивными. Это продолжалось больше часа, и голова очень болела, боль пронизывала всю голову.

Мозг может и должен развиваться; его развитие всегда будет идти от причины, от реакции, от насилия к ненасилию и тому подобное. Мозг развился из примитивного состояния, и, пусть даже утонченный, быстро схватывающий суть и технически отточенный, он будет оставаться в границах пространства-времени.

Анонимность означает смирение; она состоит не в перемене имени или одежды и не в отождествлении с тем, что может быть анонимным, – с идеалом, актом героизма, страной и так

² 1961, Нью-Йорк.

далее. Такая анонимность есть акт мозга, сознательная анонимность; существует анонимность, которая приходит с осознанием целого. Целое никогда не заключено внутри поля мозга или идеи.

■ 21 июня

Проснулся около двух; ощущалось особое давление, боль была острее, больше в центре головы. Это продолжалось больше часа, и несколько раз просыпался от интенсивности давления. Каждый раз был огромный расширяющийся экстаз; эта радость продолжалась. Когда сидел в кресле дантиста, давление вдруг снова возобновилось. Мозг стал очень спокойным; трепещущий, полностью живой; каждое ощущение было живым; глаза видели пчелу на окне, паука, птиц и лиловые горы вдаль. Они видели, но мозг не регистрировал увиденное. Можно было ощутить трепет мозга, что-то необычайно живое, вибрирующее, не просто регистрирующее. Давление и боль были велики, и телу пришлось погрузиться в дремоту.

Самокритичное осознание жизненно важно. Воображение и иллюзия искажают ясность наблюдения. Иллюзия будет существовать всегда, пока существует стремление продлить удовольствие и избежать боли, – потребность продлить или вспомнить те переживания, которые были приятны, и уклониться от боли и страдания. И то и другое порождает иллюзию. Для того чтобы полностью избавиться от иллюзии, необходимо понять удовольствие и скорбь, но без применения контроля или очищения, отождествления или отрицания.

Только когда мозг спокоен, правильное наблюдение возможно. Может ли мозг когда-либо быть спокойным? Это возможно, когда мозг, будучи очень чутким и неспособным к искажению, непредубежденно осознает.

Всю вторую половину дня давление продолжалось.

■ 22 июня

Проснулся посреди ночи, и было переживание неограниченно расширяющегося состояния ума; сам ум был этим состоянием. «Ощущение» этого состояния было лишено всяких настроений, всяких эмоций, но было очень фактическим, очень реальным. Это состояние продолжалось довольно долгое время. Все это утро давление и боль были острыми.

Разрушение жизненно важно. Не разрушение зданий и вещей, а всех психологических приспособлений и защит, богов, верований, зависимости от священников, переживаний, знания и так далее. Без разрушения всего этого не может быть творчества, созидания. Только в свободе происходит созидание. Другой не может разрушить эти защиты за тебя; тебе это следует сделать самому посредством самопознающего осознания.

Революция – социальная, экономическая – способна изменить только внешние состояния и обстоятельства, в расширенных или в суженных пределах, но это всегда будет оставаться внутри ограниченного поля мысли. Для полной революции мозг должен полностью отбросить весь свой внутренний, скрытый механизм авторитета, зависти, страха и тому подобное.

Сила и красота нежного листка заключены в его уязвимости для разрушения. Подобно стебельку травы, пробивающемуся сквозь тротуар, он обладает силой, которая может противостоять случайной смерти.

■ 23 июня

Творчество, созидание, никогда не находится во власти индивидуума. Оно полностью прекращается, когда индивидуальность, со всеми ее способностями, талантами, техническими приемами и прочим, становится доминирующей. Созидание, творение, – движение непознаваемой сущности целого; оно никогда не бывает выражением части.

Как раз когда ложился в постель, была эта полнота, эта наполненность дома *il L³*. Она была не только в комнате, но, казалось, покрыла всю землю от горизонта до горизонта. Это было благословением.

Давление, с его специфической болью, было здесь все утро. И оно продолжается во второй половине дня.

Сидя в кресле дантиста, смотрел из окна поверх изгороди, телевизионной антенны и телеграфного столба на пурпурные горы. Смотрел не только глазами, но и всей своей головой, как будто задней частью головы, всем своим существом. Это было странное переживание. Не было центра, из которого происходило бы это наблюдение. Краски и красота и очертания гор были интенсивными.

Каждый изгиб мысли должен быть понят, ибо всякая мысль есть реакция, и любое исходящее из нее действие может только увеличивать смятение и конфликт.

■ 24 июня

Давление и боль были вчера весь день; все это становится довольно-таки трудным. Когда остаешься один, это и начинается. И нет ни желания продлевать это, ни разочарования, если оно не продолжается. Это просто здесь – хочешь того или нет. Это за пределами всякого рассудка и мысли.

Делать что-то ради самого дела – это, кажется, весьма трудно и почти неуместно или нежелательно. Социальные ценности основываются на делании чего-то ради чего-то другого. Ведет это к бесплодному существованию, к жизни, которая никогда не бывает целостной, полной. Это одна из причин разрушительного недовольства.

Быть удовлетворенным безобразно, но недовольство порождает ненависть. Быть добродетельным для того, чтобы достигнуть небес или заслужить одобрения уважаемых людей, общества, – значит превратить жизнь в голое поле, которое перепыхивалось снова и снова, однако никогда не было засеяно. Эта деятельность, при которой нечто делается ради чего-либо другого, есть, по сути, замысловатая серия уклонений, уходов от самого себя, от того, что есть.

Без переживания сущности нет красоты. Красота не просто во внешних вещах или в мыслях, чувствах и идеях внутри нас; существует красота за пределами мысли и чувства. Именно эта сущность и есть красота. Но такая красота не имеет чего-либо, ей противоположного.

Давление продолжается, присутствует напряжение в основании головы, и это болезненно.

■ 25 июня

Проснулся в середине ночи и обнаружил, что тело совершенно спокойно, простерто на спине, неподвижно; такое положение, должно быть, сохранялось уже какое-то время. Присутствовали давление и боль. Мозг и ум были интенсивно спокойны. Между ними не было разделения. Была странная спокойная интенсивность, как будто два огромных динамо работали на большой скорости; это была своеобразная интенсивность, в которой не было напряжения. Во всем этом было ощущение простора, была мощь без направления и причины, а поэтому никакой жестокости и безжалостности. Это продолжалось и в течение утра.

В течение последнего года или около того случалось просыпаться и переживать в бодрствующем состоянии то, что происходило во время сна, определенные состояния бытия. Просыпаешься как будто просто для того, чтобы мозг регистрировал, что происходит. Но любопытно, что определенное переживание очень быстро исчезало. Мозг не записывал его на страницах памяти.

Есть только разрушение и никакого изменения. Потому что всякое изменение – модифицированное продолжение того, что было. Все социальные, экономические революции – реак-

³ Дом около Флоренции, где он останавливался в апреле.

ции, модифицированное продолжение того, что было. Такое изменение никоим образом не уничтожает корней эгоцентрической активности.

Разрушение, в том смысле, в котором мы это слово употребляем, не имеет мотива; у него нет цели, подразумевающей действие ради результата. Разрушение зависти – всецелое и полное; оно подразумевает свободу от подавления, контроля и отсутствие всякого мотива вообще.

Это всецелое, полное разрушение возможно; оно состоит в видении всей структуры зависти. Это видение – не в пространстве-времени, оно непосредственно.

■ 26 июня

Давление и связанное с ним напряжение, очень сильное, были вчера во второй половине дня и сегодня утром. Но произошли некоторые изменения: давление и напряжение шли из задней части головы через небо к верхушке головы. Странная интенсивность продолжается. Стоит лишь успокоиться, как она начинается.

Контроль в любой форме вреден для полного, всеобъемлющего понимания. Дисциплинированное существование – это жизнь в подчинении, в соответствии или следовании чему-то; в подчинении же и соответствии нет свободы от страха. Привычка разрушает свободу; привычка мышления, привычка выпивать и прочие ведут к поверхностной и серой жизни. Организованная религия, с ее верованиями, догмами и ритуалами, отрицает свободный выход в безбрежность ума. Именно такой выход очищает мозг от пространства-времени. Будучи очищенным, мозг может иметь дело с временем-пространством.

■ 27 июня

То присутствие, что было в *il L.*, было и здесь, терпеливо ожидая, благожелательно, с великой нежностью. Оно было подобно молнии во тьме ночи, – но оно было здесь, проникновенное, исполненное блаженства.

Что-то странное происходит с физическим организмом. Невозможно это точно определить, но есть «дополнительная» настоятельность, побуждение; это ни в коем случае не собственная самодеятельность, не порождение воображения. Это ощущается, когда спокоен, в одиночестве, под деревом или в комнате, и особенно упорно и настойчиво, когда собираюсь уснуть. Это и сейчас здесь, когда пишу; давление и напряжение, с обычной болью.

И формулировки, и слова в отношении всего этого кажутся такими бесполезными; ни слова, даже точные, ни описания, даже ясные и четкие, не передают подлинного явления.

Есть великая и невыразимая красота во всем этом.

В жизни есть только одно движение, внешнее и внутреннее; это движение неделимо, хотя его и разделяют. Из-за этого разделения большинство следует внешнему движению знания, идей, верований, авторитета, безопасности, благополучия и так далее. Реагируя на это, кто-то идет путем так называемой внутренней жизни с ее видениями, надеждами, вдохновениями, тайнами, конфликтами, разочарованиями. Поскольку это движение является реакцией, оно находится в конфликте с внешним. Поэтому существует противоречие, с его страданиями, тревогами и бегством.

Есть только одно движение, оно и внешнее, и внутреннее. С постижением внешнего начинается внутреннее движение, которое не является движением против или в противовес. Когда конфликт ликвидирован, мозг, даже будучи очень чувствительным и настороженным, становится спокойным. Только тогда внутреннее оказывается основательным и имеет смысл.

Из этого движения выходят великодушные и сострадание – которые не являются продуктом рассудка или целенаправленного самоотречения.

Цветок силен в своей красоте, хотя он может быть забыт, отброшен или погублен.

Честолюбивый не знает красоты. Ощущение сущности – это красота.

■ 28 июня

Проснулся посреди ночи с криками и стонами; давление и напряжение – с их специфической болью – были интенсивными. Это, должно быть, продолжалось уже какое-то время и длилось еще некоторое время после пробуждения. И крики, и стоны бывают довольно часто. Это не от несварения желудка. Когда сидел, ожидая, в кресле дантиста, все началось опять, продолжаясь и сейчас, после полудня, когда записываю это. Это более заметно в одиночестве или в каком-нибудь красивом месте, или даже на грязной шумной улице.

Что священо, атрибутов не имеет. Камень в храме, икона или изображение бога в церкви, символ не священны. Человек называет их священными, чем-то святым, достойным поклонения, исходя из сложных потребностей, страхов, желаний. Это «священное» все еще в поле мысли, оно создано ею, а в мысли нет ничего нового или святого. Мысль может сотворить хитросплетение систем, догм, верований и образов, символов; ее проекции не более святы, чем чертежи дома или проект нового самолета. Все это внутри границ мысли, и нет в этом ничего священного или мистического. Мысль – материя, и ее можно превратить во что угодно, в уродливое и прекрасное.

Но есть священное, которое не от мысли и не от чувства, оживленного мыслью. Оно не распознаваемо мыслью и не может быть ею использовано. Мысль не может его выразить. И тем не менее существует священное, не затронутое символом или словом. Оно непередаваемо. Оно – факт, данность.

Факт нужно видеть, и это видение происходит не через слово. Когда факт интерпретируют, он перестает быть фактом, он становится чем-то совершенно другим. Видение имеет высочайшую важность. Само видение – вне времени-пространства; оно непосредственно, мгновенно. И то, что мы видим, никогда не бывает опять тем же самым. Не существует никакого «опять» или «со временем».

У этого священного нет поклоняющегося, наблюдателя, который медитирует над ним. Оно не на рынке, чтобы быть купленным или проданным.

Подобно красоте, его нельзя увидеть через противоположное, ибо у него нет противоположного.

То присутствие – здесь, заполняет комнату, разливается над холмами и водами, покрывает землю.

Прошлой ночью, как это было уже раз или два прежде, тело было всего лишь организмом и ничем другим, функционирующее, пустое и спокойное.

■ 29 июня

Давление и напряжение с глубокой болью, как будто глубоко внутри идет операция. Это происходит *не* по собственной воле, какой бы утонченной она ни была. На какое-то время сознательно вошел в это глубоко. Пытался стимулировать это, пробовал использовать различные внешние условия – уединение и так далее. В таком случае ничего не происходит. Все это – не что-то новое.

Любовь – не привязанность. Она не порождает скорби. В любви нет отчаяния или надежды. Любовь нельзя сделать respectable, частью общественного устройства или социальной программы. Когда ее нет, начинаются все несчастья.

Обладать и принадлежать считается формой любви. Эта жажда обладать, человеком или куском собственности, не просто определяется обществом или обстоятельствами, но вытекает из гораздо более глубокого источника. Она исходит из глубин одиночества. И каждый пытается различными путями заполнить это одиночество – выпивкой, организованной религией, верой, какой-нибудь деятельностью и прочим. Все это – способы бегства, но оно по-прежнему здесь.

Вверить себя какой-то организации, отдаться какой-то вере или деятельности – значит принадлежать им, это негативное обладание; а позитивное – обладать самому. Негативное и

позитивное обладание – это делание добра, изменение мира и так называемая любовь. Контролировать другого, формировать другого во имя любви означает потребность обладать, потребность найти в другом защиту, безопасность, поддержку, утешение. Забвение себя, достигаемое через другого, через какую-то деятельность, ведет к привязанности. От этой привязанности приходят скорбь, отчаяние, и отсюда реакция – отстраниться. Из этого противоречия привязанности и отстраненности возникает конфликт и разочарование.

Нет способа бегства от одиночества: одиночество – факт, а бегство от фактов порождает смятение и скорбь.

Но не обладать ничем – необыкновенное состояние, не обладать даже идеей, не говоря уж о человеке или о вещи. Когда идея, мысль, укореняется, это уже стало обладанием, и тогда начинается война за освобождение. И эта свобода – вовсе не свобода; она лишь реакция. Реакции укореняются, и наша жизнь – почва, в которой выросли корни. Отсекать все корни, один за другим, – это психологический абсурд. Это невозможно. Нужно только видеть этот факт, одиночество, и тогда все прочее исчезает.

■ 30 июня

Вчера во второй половине дня было плохо, очень плохо, почти невыносимо; так продолжалось несколько часов.

Гуляя в окружении этих лиловых голых скалистых гор, внезапно ощутил уединенность. Полную уединенность. Повсюду была уединенность; в ней было огромное, неизмеримое богатство; в ней была красота, недоступная мысли и чувству. Она не была неподвижной, она была живой, движущейся, заполняющей каждый угол и уголок. Высокая скалистая вершина сияла в заходящем солнце, и сам этот свет и цвет наполняли небеса уединенностью.

Она была неповторимо одинокой, не изолированной, а одинокой, подобно капле дождя, которая содержит в себе все воды земли. Она была не радостной или печальной, а предоставленной самой себе. У нее не было качества, формы или цвета; это сделало бы ее чем-то опознаваемым, измеримым. Она мгновенно вспыхнула и обрела жизнь. Она не росла, не развивалась, а присутствовала во всей своей полноте. Не было времени созревания; корни времени – в прошлом. Это было состояние без корней, без причин. Таким образом, оно совершенно «новое» – состояние, которого никогда не было и никогда не будет, потому что оно живет.

Изоляция известна, как и одиночество; они опознаваемы, потому что часто переживались, в действительности или в воображении. Сама их известность порождает определенное самодовольное презрение и страх, из которых возникают цинизм и боги. Но самоизоляция и одиночество не ведут к уединенности; с ними нужно покончить, не для того, чтобы чего-то достигнуть; они должны умереть так же естественно, как увядает нежный цветок. Соппротивление порождает страх, но принятие тоже. Мозг должен дочиста отмыться от всех этих выдумок и ухищрений.

Совершенно иное – эта безмерная уединенность, которая не имеет отношения ко всем этим изгибам или поворотам сознания, зараженного эго. В уединенности этой происходит всякое созидание, всякое творчество. Творчество разрушает, и поэтому творчество – это всегда неведомое, неизвестное.

Весь вечер вчера была эта уединенность, и сейчас она есть, и при пробуждении ночью она сохранялась.

Давление и напряжение продолжают нарастать и ослабевая постоянными волнами. Сегодня это довольно тяжело, всю вторую половину дня.

■ 1 июля

Все как будто остановилось. Никакого движения, шевеления, полная пустота всех мыслей, всякого видения. Нет интерпретирующего, который истолковывал бы, наблюдал и подвер-

гал цензуре. Безмерный простор, который совершенно тих и безмолвен. Нет ни пространства, ни времени, чтобы преодолевать это пространство. И начало, и конец всего сущего здесь же. На самом деле, нет ничего, что можно было бы об этом сказать.

Давление и напряжение тихо продолжались весь день; только сейчас они усилились.

■ 2 июля

То, что появилось вчера, эта неизмеримая недвижимая безбрежность, продолжалось весь вечер, даже несмотря на присутствие людей и общий разговор. Это продолжалось всю ночь; она была здесь и утром. Хотя здесь шел довольно громкий, эмоционально возбужденный разговор, внезапно посреди него оказывалась она. Она здесь, здесь красота и великолепие, и ощущение безмолвного экстаза.

Давление и напряжение начались довольно рано.

■ 3 июля

Весь день не был дома. И все равно, в шумном городе во второй половине дня в течение двух или трех часов давление и напряжение продолжались.

■ 4 июля

Был занят, но, несмотря на это, во второй половине дня давление и напряжение присутствовали.

Какие бы действия человеку ни приходилось совершать в повседневной жизни, потрясения и различные инциденты не должны оставлять шрамов. Эти шрамы превращаются в эго, в «я», и, по мере жизни, оно становится сильным, а стены его почти непроницаемыми.

■ 5 июля

Тоже был занят, но в моменты покоя давление и напряжение продолжались.

■ 6 июля

Прошлой ночью проснулся с ощущением полного покоя и тишины; мозг был полностью бодрствующим и интенсивно живым, а тело очень спокойным. Это состояние длилось около получаса. Это несмотря на утомительный день.

Высота интенсивности и чувствительности определяет переживание сущности. Именно в нем заключена красота, запредельная слову и чувству. Пропорция и глубина, свет и тень ограничены временем-пространством, подчинены красоте-уродливости. Но то, что за пределами линии и формы, что превыше учения и знания, – это красота сущности.

■ 7 июля

Несколько раз просыпался с криком. Опять было это интенсивное спокойствие мозга и чувство безбрежности. Давление и напряжение продолжались.

Успех – это жестокость. Успех в любой форме – политической и религиозной, в искусстве и в бизнесе. Достижение успеха подразумевает безжалостность.

■ 8 июля

Перед сном или даже как раз в момент засыпания некоторое время были стоны и крики. Тело слишком взбудоражено по поводу поездки, поскольку ночью отправляюсь в Лондон [через Лос-Анджелес]. Давление и напряжение в какой-то степени присутствуют.

■ 9 июля

Когда садился в самолет, среди всего этого шума, табачного дыма и громких разговоров совершенно неожиданно начало возникать то чувство, то чувство безмерности и то необычайное благословение – безграничное ощущение священного, которое ощущалось в *il L*. Тело было в нервном напряжении из-за толпы, шума и прочего – но вопреки всему оно было. Давление и напряжение были интенсивными, и в задней части головы была острая боль. Было только это состояние, и не было никакого наблюдателя. Все тело было полностью в нем, а ощущение священного было таким интенсивным, что из тела исторгся стон, а на соседних сиденьях сидели пассажиры. Это продолжалось несколько часов, до поздней ночи. Смотрел как будто бы не только глазами, а тысячей столетий; это было совершенно удивительное явление. Мозг был абсолютно пустым, все реакции прекратились; все эти часы пустота не осознавалась, – и только при записывании она оказывается известной, но это знание всего лишь описательное, не подлинное. Что мозг сам смог опустошить себя – это необычайный феномен. Когда глаза были закрыты, тело и мозг, казалось, погружались в бездонные глубины, в состояния невероятной чувствительности и красоты. Пассажир в соседнем кресле начал спрашивать о чем-то, и, когда ответил, эта интенсивность была здесь; не было длительности, но только бытие. Медленно занималась заря, и ясное небо наполнялось светом. – Когда все это записывается, позже днем, с усталостью от недосыпания, это священное здесь. Давление и напряжение тоже.

Лондон

■ 10 июля

Спал мало, но проснулся с осознанием сильного ощущения потока энергии, которая сфокусировалась в голове. Тело стонало и все же было очень спокойным, распростертым и исполненным безмятежности. Комната казалась наполненной; было очень поздно, и передняя дверь соседнего дома была со стуком захлопнута. – Не было ни идеи, ни чувства, и все же мозг был живым и восприимчивым. Давление и напряжение присутствовали, причиняя боль. Странно в этой боли то, что она никаким образом не истощает тело. Кажется, в мозгу происходит так много, и все-таки невозможно выразить словами, что именно происходит. Было ощущение безмерного расширения.

■ 11 июля

Давление и напряжение были довольно сильными, и боль присутствует тоже. Любопытно во всем этом то, что тело никак не протестует, никакого сопротивления не оказывает. Во все это вовлечена неизвестная энергия. Слишком занят, чтобы много писать.

Гштаад

■ 12 июля

Прошлая ночь была тяжелой, с криками и стонами. Голова болела. Спал немного, дважды просыпался, – и каждый раз было ощущение расширяющейся интенсивности и интенсивного внутреннего внимания, и мозг опустошил себя от всякого чувства и всякой мысли.

Разрушение; полное опустошение мозга; реакция и память должны отмереть без всякого усилия; отмирание подразумевает время, но именно время прекращается, а не память заканчивается.

Это вневременное расширение, которое происходило, и качество и степень интенсивности полностью отличны от страсти и чувства. Именно эта интенсивность, совершенно не связанная с каким-либо желанием, хотением или переживанием, как воспоминания, прорывалась через мозг. Мозг был лишь инструментом, а эта вневременная, расширяющаяся, взрывная интенсивность творения – ум. Творение же есть разрушение.

В самолете это продолжалось⁴.

■ 13 июля

Думаю, покой этого места, зеленых склонов гор, красота деревьев и чистота – это и другие вещи сделали давление и напряжение гораздо сильнее; голова болела весь день; становится хуже, когда остаюсь один. Похоже, так продолжалось всю прошлую ночь, несколько раз просыпался с криками и стонами; даже во время отдыха во второй половине дня было больно до крика. Тело здесь полностью расслаблено и отдыхает. Прошлой ночью, после долгой и приятной поездки по гористой местности, когда входил в комнату, присутствовало это удивительное священное благословение. Другой⁵ тоже это почувствовал. Другой также ощутил этот покой, эту проникновенную атмосферу. Было ощущение великой красоты, любви и завершенной полноты.

Сила и власть извлекаются из аскетизма, из деятельности, из положения, из добродетели, из господства и тому подобного. Все эти формы силы и власти – зло. Все это разлагает и развращает. Использование денег, таланта, ума для достижения власти, извлечения силы из употребления этих вещей есть зло.

⁴ Полет в Женеву, откуда он поехал в дом своих друзей в Гштааде.

⁵ Друг, у которого он останавливался в Гштааде.

Но существует сила, никак не связанная с теми силой и властью, которые есть зло. Эту силу, могущество не купишь жертвой, добродетелью, добрыми делами и верой, не купишь их и поклонением, молитвами, самоотвержениями и саморазрушительными медитациями. Всякое усилие стать или быть должно полностью и естественно прекратиться. Только тогда возможна та сила, которая не есть зло.

■ 14 июля

Весь процесс продолжался целый день – давление, напряжение и боль в задней части головы; просыпался с криком несколько раз, и даже днем были и непроизвольные стоны, и вскрикивания. Прошлой ночью это священное чувство наполнило комнату, и другой его тоже ощущал.

Как легко обманывать себя почти во всем, особенно относительно более глубоких и более тонких потребностей и желаний. Быть полностью свободным от всех таких стремлений и желаний трудно. Но все-таки крайне важно быть свободным от них, иначе мозг порождает всевозможные формы иллюзии. Стремление к повторению переживания, пусть даже приятного, прекрасного и плодотворного, – почва, на которой возрастает скорбь. Страсть скорби так же ограничивает, как и страсть власти. Мозг должен перестать ходить своими собственными путями, он должен быть полностью пассивным.

■ 15 июля

Весь процесс прошлой ночью был тяжелым; остался довольно усталым и невыспавшимся.

Проснулся среди ночи с ощущением безграничной и безмерной силы. Это была не та сила, которую дают воля или желание, а сила, которая есть в реке, в горе, в дереве. Она есть и в человеке, когда воля и желание во всякой форме полностью прекратились. Она не имеет какой-либо цены, она не приносит прибыли человеческому существу, но без нее нет человеческого существа или дерева.

Действие человека – выбор и воля; в таком действии – противоречие и конфликт, и потому скорбь. Всякое такое действие имеет причину, мотив, и потому оно есть реакция. Действие же этой силы не имеет ни причины, ни мотива и потому являет собой неизмеримое и сущность.

■ 16 июля

Весь процесс продолжался большую часть ночи; он был довольно интенсивным. Как много может выдержать тело! Все тело трепетало, и проснулся сегодня утром с трясущейся головой.

Этим утром здесь было то особенное священное, заполнившее комнату. Оно обладает огромной проникающей силой, входя в каждую частицу твоего существа, наполняя, очищая, делая все причастным себе. И другой это чувствовал тоже. Это то, чего жаждут все человеческие существа, но поскольку они гоняются за ним, оно от них ускользает. Монах, священник, санньяси терзают свои тела и свои души, жаждая его, но оно от них ускользает. Ибо оно не может быть куплено; ни жертвоприношение, ни добродетель, ни молитва не могут принести эту любовь. Эта любовь, эта жизнь невозможны, если средством становится смерть. Все искания, все вопрошания и мольбы должны полностью прекратиться.

Истина не может быть точной. То, что можно измерить, – не истина. То, что не живет, можно измерить и узнать его высоту.

■ 17 июля

Мы поднимались по тропинке крутого, поросшего лесом склона горы, потом сели на скамью. Внезапно, в высшей степени неожиданно, это священное благословение снизошло на нас;

другой тоже его чувствовал, хотя мы ничего не говорили. Как оно уже несколько раз наполняло комнату, так на этот раз оно, казалось, покрыло горный склон во всю ширину, распространяясь на долину и по ту сторону гор. Оно было повсюду. Все пространство, казалось, исчезло; все, что было вдали, – широкое ущелье, отдаленные снежные вершины и человек, сидящий на скамье, – все это исчезло. Не было одного, двух или множества, а только эта безмерность. Мозг утратил все свои реакции, он был только инструментом наблюдения, он был видением – не мозгом, принадлежащим определенному человеку, а мозгом, не обусловленным временем – пространством, – сущностью любого мозга.

Это была спокойная ночь, и весь процесс был не так интенсивен. При пробуждении утром было переживание, которое, может быть, длилось минуту, час или было вне времени. Переживание, наполненное временем, перестает быть переживанием; то, что имеет длительность, перестает быть переживанием.

При пробуждении, в самых глубинах, в неизмеримых глубинах целостного ума пылало интенсивное, живое, яростно жгучее пламя внимания, осознания, творчества. Слово – не вещь; символ – не реальность. Огни, горящие на поверхности жизни, уходят, угасают, оставляя скорбь, пепел и воспоминания. Эти огни называют жизнью, но это не жизнь. Это разложение. Огонь творчества, созидания, которое есть разрушение, это и есть жизнь. В ней нет ни начала, ни конца, ни завтра, ни вчера. Она есть, и никакая поверхностная активность никогда не откроет ее. Мозг должен умереть, чтобы этой жизни быть.

■ 18 июля

Процесс был очень острым, не давал спать; даже утром и после полудня вскрикивал и стонал. Боль была довольно сильной.

Проснулся сегодня утром с изрядной болью, но в то же время была вспышка видения, которое было откровением. Наши глаза и мозг регистрируют внешние вещи, деревья, горы, стремительно мчащиеся потоки, накапливают знание, технику и так далее. С теми же самыми глазами и с мозгом, наученным наблюдать и выбирать, осуждать и оправдывать, мы обращаемся внутрь, смотрим внутрь, опознаем объекты и выстраиваем идеи, которые формируют рассудок. Этот внутренний взгляд проникает не очень-то далеко, поскольку он все еще находится в пределах своего собственного наблюдения и рассудка. Этот внутренний взгляд – все еще внешний взгляд, и потому между ними нет большой разницы. То, что, возможно, кажется различным, может быть и сходным.

Но есть внутреннее наблюдение, не являющееся внешним наблюдением, обращенным внутрь.

Мозг и глаза, которые наблюдают лишь выборочно, не вмещают целостного видения. Они должны быть живыми полностью, но спокойными; они должны прекратить выбирать и судить и стать пассивно осознающими. Тогда внутреннее видение не ограничено временем-пространством. В этой вспышке рождается новое восприятие.

■ 19 июля

Было довольно плохо всю вторую половину вчерашнего дня и казалось, что стало еще больнее. К вечеру пришло то священное и заполнило комнату, и другой его тоже чувствовал. Всю ночь было вполне спокойно, хотя давление и напряжение оставались, как солнце за облаками; рано утром процесс снова начался.

Казалось, что просыпаюсь только для того, чтобы зарегистрировать определенное переживание; это происходило достаточно часто в течение прошлого года. Проснулся сегодня утром с живым ощущением радости; она была, когда я проснулся, она не была чем-то в прошлом. Она существовала в настоящем. Он приходил, этот экстаз, «извне», он не был вызван «я»; он пробивался через систему, протекая по всему организму с огромной энергией и напол-

ненностью. Мозг не принимал в нем участия, только регистрировал его, не как воспоминание, а как факт в настоящем, который имеет место. Казалось, за этим экстазом стояла безмерная сила и жизненность; он был не настроением, чувством или эмоцией, а столь же явным и реальным, как этот поток, размывающий горный склон, или эта одинокая сосна на зеленом склоне горы. Все чувства и эмоции связаны с мозгом, но как любовь не связана с ним, так был не связан с ним и этот экстаз. Лишь с величайшим трудом мозг мог воскресить его в памяти.

Сегодня, рано утром, было благословение, которое, казалось, покрыло землю и заполнило комнату. С ним приходит всеобъемлющий покой, тишина, которая, кажется, содержит в себе все движение.

■ 20 июля

Процесс был особенно интенсивным вчера во второй половине дня. Ожидая в автомобиле, почти не замечал, что происходит вокруг. Интенсивность возросла и стала почти невыносимой, такой, что пришлось лечь. К счастью, в комнате кто-то был.

Комната наполнилась этим благословением. То, что последовало, передать словами почти невозможно; слова так мертвы, имеют определенный, установленный смысл, а то, что происходило, было за пределами всех слов и описаний. Это благословение было центром всего творения; оно явилось очищающей серьезностью, которая освободила мозг от всякой мысли и чувства; его серьезность была как молния, которая разрушает и сжигает; глубина его была безмерна, оно было неподвижным, непостижимым, было твердыней, легкой, как небо. Оно было в глазах, в дыхании. Оно было в глазах – и глаза эти могли видеть.

Глаза, которые видели, которые смотрели, были совершенно отличны от глаз как органа зрения, и все же это были те же самые глаза. Было только видение, глаза, которые видели за пределами времени-пространства. Присутствовало несокрушимое достоинство и покой как сущность всякого движения, действия. Никакая добродетель не касалась его, так как оно было за пределами всех добродетелей и всего, что одобряется человеком. В нем была любовь, которая была вполне смертной, и поэтому оно обладало хрупкостью всех новых вещей, уязвимых, разрушимых, и все же оно было за пределами всего этого. Оно было несокрушимым, безмянным, непознаваемым. Никакая мысль не могла проникнуть в него, и никакое действие не могло коснуться его. Оно было «чистым», незатронутым – и потому всегда таким вечномирующе-прекрасным.

Все это, похоже, воздействовало на мозг; он уже был не таким, как прежде. (Мысль – такая ничтожная вещь, необходимая, но ничтожная.) По этой причине соотношения, кажется, изменились. Как ужасная буря, разрушительное землетрясение, дает новое русло рекам, изменяет ландшафт, вгрызаясь глубоко в землю, так и оно сгладило контуры мысли, изменило форму сердца.

■ 21 июля

Весь процесс идет как обычно, несмотря на простуду и лихорадочное состояние. Он стал более острым и более упорным. Удивительно, как долго может выдерживать тело.

Вчера, когда мы гуляли по прекрасной узкой долине, по ее крутым склонам, затененным соснами, по зеленым полям, полным диких цветов, внезапно, в высшей степени неожиданно, так как говорили мы о другом, благословение снизошло на нас, подобно нежному дождю. Мы оказались центром его. Оно было мягким, настоящим, бесконечно нежным и безмятежным, обволакивая нас силой, которая не знала промахов и была недоступна рассудку.

Сегодня, рано утром, при пробуждении, – изменчивая и неизменная, очищающая серьезность с экстазом, у которого нет причины. Она просто была здесь. И в течение дня, что бы ни делал, она присутствовала на заднем плане и немедленно, сразу же выходила вперед в минуты покоя. В ней настоятельность и красота.

Никакое воображение или желание никогда не смогли бы ясно выразить или сформировать такую глубочайшую серьезность.

■ 22 июля

Пока ждал в темной, душной приемной доктора, то благословение, которое нельзя сконструировать никаким желанием, пришло и наполнило маленькую комнату. Оно было там, пока мы не ушли. Нельзя сказать, ощутил ли это доктор.

Почему происходит деградация? Как внешняя, так и внутренняя. Почему? Время несет разрушение всем механическим конструкциям; оно изнашивает работой и болезнью организм любого вида. Но почему должна быть деградация внутренняя, психологическая? Помимо всех объяснений, которые может дать умелый мозг, почему мы выбираем худшее, а не лучшее, почему ненависть скорее, чем любовь, почему жадность, а не щедрость, почему эгоцентрическую деятельность, а не открытое, целостное действие? Зачем быть низменным, когда есть парящие вершины и сверкающие потоки? Почему ревность, а не любовь? Почему? Видение факта ведет к одному, мнения и объяснения – к другому. Видение того факта, что мы идем к упадку, деградируем, важнее всего, а не то, почему и отчего это происходит. Объяснение имеет весьма небольшое значение перед лицом факта, но то, что человек удовлетворяется объяснениями, словами, – один из главных факторов деградации. Почему война, а не мир? Факт таков – мы склонны к насилию; конфликт внутри и снаружи – часть нашей повседневной жизни, жизни честолюбивых устремлений и успеха. Видение этого факта, а не хитроумное объяснение и острое слово, кладет конец деградации. Выбор, одна из главнейших причин упадка, должен полностью прекратиться, чтобы деградации пришел конец. Желание осуществления, а также удовлетворение и скорбь, живущие в его тени, – это тоже один из факторов деградации.

Сегодня утром проснулся рано, чтобы пережить это благословение. Был «вынужден» сесть, чтобы быть в этой ясности и красоте. Позднее утром, сидя на придорожной скамье под деревом, ощутил его безмерность. Оно дает укрытие, защиту, подобно дереву над головой, чьи листья укрывают от горячего горного солнца и все же пропускают свет. Все окружение и все отношения – это такая защита, в которой есть свобода, и поскольку есть свобода, есть и защита.

■ 23 июля

Проснулся рано утром с огромным ощущением силы, красоты и нетленности. Это было не чем-то уже случившимся – переживанием, которое прошло и которое, проснувшись, вспоминаешь как сон, а чем-то действительно происходящим. Осознавал что-то совершенно неразрушимое, в котором невозможно существование чего-то, что могло бы испортиться, деградировать. Оно было слишком огромно, чтобы мозг мог охватить его, запомнить; он мог только механически отметить, что есть такое «состояние» нетленности. Переживание такого состояния необычайно важно; оно было здесь – безграничное, неприкосновенное, непостижимое.

В его нерушимости была красота. Не та красота, что увядает, не что-то созданное рукой человека, не зло с его красотой. Ощущалось, что в его присутствии существует все самое существенное, и потому оно было священным. Это была жизнь, в которой ничто не могло погибнуть. Смерть нетленна, но человек делает из нее то же разложение, каким для него является жизнь.

Со всем этим было ощущение мощи, силы, столь же прочной, как та гора, которую ничто не может поколебать, которую не могут тронуть ни жертвоприношение, ни молитва, ни добродетель.

Оно было здесь, огромное, и никакая волна мысли не могла его исказить, как искажает нечто припоминаемое. Оно было здесь, и глаза, и дыхание принадлежали ему.

Время, лень, приносит порчу. На какой-то период этому пришлось уйти. Рассвет только что наступил, и роса была на автомобиле снаружи и на траве. Солнце еще не взошло,

но острый снежный пик был отчетливо виден в серо-голубом небе; было очаровательное утро, без единого облачка. Но это не могло продолжаться, это было слишком прекрасно.

Почему все это происходит с нами? Никакое объяснение не будет достаточно хорошим, хотя их можно избобрести дюжину. Но определенные вещи достаточно ясны: 1) Нужно быть полностью «безразличным» к приходу и к уходу этого; 2) Не должно быть желания продлить переживание или сохранить его в памяти; 3) Нужна определенная физическая чувствительность, некоторое равнодушие к комфорту; 4) Нужен самокритичный, юмористический подход. Но даже если все это у человека есть, случайно, а не от преднамеренного культивирования и смирения, даже тогда этого недостаточно. Что-то совсем другое необходимо, или ничего не нужно. Это должно прийти, вам же этого никогда не найти, что бы вы ни делали. Вы можете добавить к списку любовь, но это – за пределами любви. Одно определено – мозг никогда не сможет этого постичь или вместить в себя. Блажен, кому это дано. И еще вы можете добавить спокойный, безмолвный мозг.

■ 24 июля

Процесс был не столь интенсивным, поскольку тело несколько дней было не в порядке, но, хотя он и слаб, время от времени его интенсивность можно было почувствовать. Просто удивительно, как этот процесс может приспосабливаться к обстоятельствам.

Когда вчера проезжали по узкой долине вдоль горного потока, шумно прокладывающего себе путь около мокрой дороги, присутствовало это благословение. Оно было очень сильным, и все купалось в нем. Шум потока был частью его, и высокий водопад, который становился этим потоком, был в нем. Оно было похоже на проливающийся легкий дождь, и наступила полная незащитность; тело, казалось, стало легким, как лист, открытый любому воздействию и трепещущий. Это продолжалось всю долгую прохладную дорогу, и беседа сделалась односложной; красота этого казалась невероятной. Оно оставалось весь вечер, и хотя звучал смех, устойчивая, непостижимая серьезность сохранялась.

При пробуждении сегодня утром, рано, когда солнце было еще за горизонтом, экстаз этой серьезности был здесь. Он наполнил и сердце, и мозг, и было ощущение непоколебимости.

Смотреть важно. Мы смотрим на ближайшее и безотлагательное и, исходя из непосредственных потребностей, в будущее, окрашенное прошлым. Наше видение очень ограничено, наши глаза привыкли к тому, что близко. Наш взгляд также связан временем-пространством, как и наш мозг. Мы никогда не смотрим, мы никогда не видим за пределами этих ограничений; мы не умеем смотреть сквозь и за пределы этих фрагментарных границ. Но глаза должны видеть за их пределами, проникая глубоко и широко, не выбирая, не прячась; они должны странствовать за пределами установленных человеком границ идей и ценностей и ощущать то, что за пределами любви.

Тогда есть благословение, которого никакой бог не может дать.

■ 25 июля

Несмотря на встречу⁶, процесс идет, довольно мягко, но идет.

Проснулся сегодня утром достаточно рано с ощущением ума, который проник в неизведанные глубины. Это выглядело так, как будто ум уходил в себя, вглубь и вширь, и путешествие, казалось, происходило без движения. И было это переживание безмерности в изобилии и богатстве, которое было неподвластно искажению.

Удивительно, что, хотя каждое переживание – состояние совершенно иное, это все-таки одно и то же движение; хотя и кажется, что оно меняется, оно все же неизменно.

⁶ Первая из девяти бесед в Саанене – селении вблизи Гштаада.

■ 26 июля

Вчера всю вторую половину дня процесс продолжался и было достаточно тяжело. Гуляя в глубокой тени горы, рядом с журчащим потоком, при интенсивном процессе, чувствовал себя совершенно незащищенным, обнаженным и очень открытым; едва замечал, что существую. И красота покрытой снегом горы, заключенной в чаше двух темных, поросших соснами склонов покатых холмов, трогала необычайно.

Ранним утром, когда солнце еще не встало и на траве была роса, и когда еще спокойно лежал в постели без какой-либо мысли или движения, появилось видение, не поверхностное видение глазами, а видение через глаза из задней части головы. Глаза и задняя часть головы были только инструментом, через который неизмеримое прошлое смотрело в неизмеримое пространство, не имеющее времени. И позднее, все еще в постели, было видение, в котором, казалось, содержалась вся жизнь.

Как легко обманывать самого себя, выдумывать желательные состояния, которые при этом действительно переживаются, особенно когда в них есть удовольствие. Ни иллюзии, ни обмана нет, когда нет желания, сознательного или бессознательного, к переживанию какого бы то ни было рода, когда человек полностью безразличен к приходу и уходу всех переживаний, когда он ничего не ищет.

■ 27 июля

Это была чудесная поездка через две разные долины вверх к перевалу; вездесущие горные утесы фантастических форм и изгибов, их одиночество и величие, и в отдалении зеленая, покатая гора производили впечатление на мозг, все еще безмолвный. Пока ехали, странная интенсивность и красота множества этих дней становились все более и более ощутимыми. И другой это тоже чувствовал.

Проснулся очень ранним утром; то, что является благословением, и то, что является силой, были здесь; мозг осознавал их, как он осознает аромат, но это не было ощущением или эмоцией; они просто были здесь. Делайте что угодно, они всегда будут здесь; и с этим ничего нельзя было сделать.

Этим утром состоялась беседа; во время этой беседы мозг, который реагирует, думает, конструирует, отсутствовал. Мозг не работал, за исключением, вероятно, памяти в отношении слов.

■ 28 июля

Вчера мы гуляли по излюбленной дороге вдоль шумного потока в узкой долине с темными соснами, цветочными полями, массивной снежной горой и водопадом вдали. Было чудесно, безмятежно и прохладно. Здесь, на прогулке, пришло это священное благословение, которое можно было почти потрогать; глубоко внутри шли движения перемены. Это был вечер очарования и красоты не от мира сего. Здесь было неизмеримое, и здесь было безмолвие.

Сегодня утром проснулся рано и отметил, что процесс был интенсивен, и через заднюю часть головы устремлялась вперед, как стрела, и с тем характерным звуком, с каким стрела рассекает воздух, некая сила, движение, которое пришло ниоткуда и уходило в никуда. И было ощущение огромной устойчивости и «достоинства», к которому нельзя даже приблизиться. И строгость, которую никакая мысль не могла сформулировать, и вместе со строгостью чистота бесконечной мягкости. Все это только слова, и поэтому они никак не могут выразить реальное; символ не есть реальное, и символ не имеет ценности.

Все утро процесс продолжался, и чаша, которая не имеет ни высоты, ни глубины, казалось, наполнилась до краев.

■ 29 июля

Встречался с людьми; после их ухода чувствовал себя как бы подвешенным между двумя мирами. И вскоре мир процесса и той неугасимой интенсивности вернулся. Откуда такое разделение? Те, с кем проходила встреча, серьезными не были; в лучшем случае они считали себя серьезными, но были серьезны лишь поверхностным образом. Не мог отдать себя полностью, отсюда опять это чувство некоторого неудобства, но все равно это было странное переживание.

Мы разговаривали, и внимание привлек небольшой участок ручейка между деревьями. Это был обычный вид, какая-то будничная мелочь, но при этом что-то происходило, причем не какие-то внешние события, а присутствовало само ясное восприятие. Вот что абсолютно необходимо для его полной силы, его полного развития: 1) Полная простота, которая приходит со смирением, не простота в вещах или имуществе, но в самом качестве бытия; 2) Страсть, обладающая той интенсивностью, которая не является просто физической; 3) Красота; восприимчивость не только к внешней реальности, но чуткость к той красоте, которая за пределами и выше мысли и чувства; 4) Любовь; полнота ее; не та любовь, что знает ревность, привязанность, зависимость, не та, что разделена на чувственную и божественную. Вся ее безмерность; 5) Ум, который может проследивать, может проникать без мотива, без цели в свои собственные неизмеримые глубины; ум, у которого нет барьеров, который свободен странствовать без времени-пространства.

Внезапно осознал все это и все с этим связанное; всего лишь простой вид потока между увядающими ветвями и листьями в унылый и дождливый день.

Когда мы говорили, без всякой причины – поскольку то, о чем говорили, было не слишком серьезным, – из каких-то недостижимых глубин вдруг почувствовал это безграничное пламя могущества, разрушительное в своем творчестве. Это была мощь, существовавшая до появления всего на свете; она была неприступна – к ней нельзя было приблизиться из-за самой ее силы.

Ничто не существует, кроме этого единственного. Безмерность и благоговение.

Часть этого переживания, должно быть, «продолжалась» во сне, потому что при пробуждении утром оно было здесь, и интенсивность процесса прервала сон. Никакие мысли и слова не в силах описать то, что происходит, удивительную странность и любовь, красоту этого. Никакое воображение никогда не смогло бы создать все это, это также и не иллюзия; сила и чистота его не для фантазирующего ума-мозга. Оно за пределами и выше всех способностей человека.

■ 30 июля

День был облачный, с тяжелыми темными облаками; с утра прошел дождь, стало холодно. После прогулки мы разговаривали, но больше смотрели на красоту земли, домов и темных деревьев.

Внезапно произошла вспышка той непостижимой мощи и силы, которая физически потрясала. Тело замерло в неподвижности, и пришлось закрыть глаза, чтобы не потерять сознание. Это было нечто совершенно сокрушительное, и все существовавшее казалось несуществующим. Неподвижность этой силы и разрушительная энергия, пришедшая с ней, выгнали ограничения зрения и слуха. Это было нечто неопишимо великое, чьи глубина и высота непознаваемы.

Сегодня рано утром, когда рассвет только что занялся, в небе не было ни облачка и показались покрытые снегом горы, проснулся с этим ощущением непостижимой силы в глазах и в горле; казалось, что это осязаемое состояние – нечто такое, чего никак не могло не быть здесь. Почти час оно было здесь, и мозг оставался пустым. Оно не было тем, что можно уловить мыслью и сохранить в памяти, чтобы вспоминать. Оно было здесь, и вся мысль была мертва. Мысль функциональна и полезна только в своей области; и об этом мысль думать не могла, ибо мысль есть время, а это было за пределами всякого времени и меры. Мысль, желание не

могли стремиться к продолжению или повторению этого, поскольку мысль, желание полностью отсутствовали. Тогда что же вспоминает, чтобы все это записать? Это просто механическая регистрация, но эта регистрация, слово, не является самой реальностью.

Процесс идет, идет более мягко, возможно, из-за бесед, и к тому же есть предел, за которым тело будет разрушаться. Но он идет, постоянный и настойчивый.

■ 31 июля

Во время прогулки по той тропинке, прохладной и приятной, что следует течению стремительно бегущего потока, при множестве людей вокруг, было это благословение, нежное, как листва, и в нем была танцующая радость. Но за ним и в нем была и та безмерная прочная сила, и та мощь, что непостижима. Чувствовалась за ним безмерная глубина, нечто бездонное. Оно было здесь, на каждом шагу, с настойчивой безотлагательностью и, тем не менее, с бесконечным «безразличием». Как огромная высокая дамба, которая сдерживает воды реки, образуя обширное озеро на много миль, – таким было это безмерное. Но каждый момент происходило разрушение; не то разрушение, которое приносит новые изменения, изменение никогда не бывает новым, – а полное разрушение того, что было, чтобы этого уже никогда не могло быть. В этом разрушении не было насилия; насилие присутствует в изменении, в революции, в подчинении, в дисциплине, в контроле и господстве, но здесь всякое насилие, в любой форме и под любым именем, полностью прекратилось. Это разрушение есть то, что является творением.

Но творение – это не мир. Мир и конфликт принадлежат сфере перемен и времени, внешнему и внутреннему движению существования, но это не исходило из времени или какого-либо движения в пространстве. То было разрушение чистое и абсолютное, и только в нем может быть «новое».

При пробуждении сегодня утром эта сущность была здесь; должно быть, она была всю ночь, а при пробуждении, казалось, заполнила всю голову и тело. И процесс идет мягко. Нужно быть в одиночестве и тишине, и тогда это есть.

Когда записываю, это благословение здесь, как легкий ветерок среди листьев.

■ 1 августа

Был прекрасный день, и при поездке по красивой долине было то, что невозможно отвергнуть; оно было здесь, как воздух, небо и эти горы.

Проснулся рано, с криком, так как процесс был интенсивен, но в течение дня, несмотря на беседу⁷, он шел мягко.

■ 2 августа

Утром проснулся рано; еще не умывшись, был вынужден сесть. Обычно какое-то время сижу в постели, прежде чем встать; сегодня все вышло за рамки обычного образа действий, и это было настоятельной и императивной необходимостью. Когда сел, очень быстро пришло это безграничное благословение, и вскоре ощутил, что вся эта мощь, вся эта непроницаемая, строгая сила была внутри, вокруг, в голове; а в самой середине всей этой безбрежности – полная тишина. Это была тишина, вообразить и сформулировать которую не сможет никакой ум; никакое насилие не может создать эту тишину; у нее не было причины, она не была результатом; это была неподвижность в самом центре гигантского урагана. Это было покоем всякого движения, сущностью всякого действия; это было взрывом творения, и только в такой неподвижности творение может иметь место.

⁷ Четвертая беседа в Саанене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.